

А.А.Острове́ров В ПОИСКАХ ТЕОРИИ ОДНОПАРТИЙНОГО ГОСПОДСТВА: МИРОВОЙ ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ СИСТЕМ С ДОМИНАНТНОЙ ПАРТИЕЙ (I)

Ключевые слова: теория однопартийного господства, доминантная партия, цикл однопартийного доминирования, Морис Дюверже, Джованни Сартори

Введение

¹ Giliomee, Simkins
(eds.) 1999.

Можно только согласиться с мнением Самюэля Хантингтона, которое приводится на обложке одной из коллективных монографий на тему однопартийного господства, что изучение систем с доминантной партией — это «увлекательное, важное и запущенное дело»¹. Используя возникшую в процессе концептуализации данного феномена терминологию для описания исключительного положения партий, на протяжении долгого времени сохраняющих статус правящих, современные авторы обычно не вникают в ее содержание и противоречия. Чаше всего они берут понятие *dominant party*, максимально нейтрально переводимое на русский язык как «доминантная партия», и в значении «крупнейшая/сильнейшая» употребляют его по отношению к правящим партиям в реально или формально многопартийных системах, известных как системы с доминантной партией (*dominant-party systems*). Между тем существующее в политологической литературе терминологическое разнообразие (господствующая, доминирующая, преобладающая, гегемонистская партия и др.) подсказывает, что есть как минимум несколько подходов к заявленной проблеме. Если обратиться к более чем 65-летней истории ее осмысления, можно обнаружить множество эмпирических и теоретических исследований, которые до сих пор никто не обобщил. В настоящей статье мы попытаемся восполнить этот пробел: рассмотрим этапы концептуализации однопартийного господства, сравним основные подходы к определению доминантной партии и системы с доминантной партией, выделим ключевые понятия и выскажем свои соображения о перспективах развития соответствующей теории.

Этапы концептуализации однопартийного господства

В процессе концептуализации однопартийного господства отчетливо прослеживаются два этапа: 1950—1980-е годы и с начала 1990-х годов по сегодняшний день.

На первом, начальном, этапе политологи стали регистрировать, казалось бы, нетипичный для многопартийных моделей феномен

длительного пребывания правящей партии у власти. Сравнительный анализ различных партий и партийных систем позволил им выделить особые партийные системы с доминантной партией. Подобные системы можно найти в наиболее распространенных классификациях партийных систем, базирующихся на количестве парламентских партий и качестве распределения власти между ними (кто и как победил на выборах и сформировал правительство). Систему с доминантной партией включает, в частности, классификация Мориса Дюверже, где она располагается между однопартийной и многопартийными моделями². Вместе с тем некоторые авторы рассматривали конкретные случаи однопартийного господства как уникальные, присущие той или иной стране. Такой подход характерен, например, для Дзюнноскэ Масуми и Роберта Скалапино, квалифицировавших японскую систему, где в условиях непрерывного правления Либерально-демократической партии (ЛДПЯ) оппозиционным силам обычно доставалась лишь половина от числа ее мест в парламенте, как «полупартийную» (1,0+0,5=1,5)³. В литературе тех лет можно встретить также работы, посвященные «системе Конгресса» в Индии⁴, «системе 1955» в Японии⁵ (в 1955 г. Либеральная и Демократическая партии объединились в ЛДПЯ), системе гегемонистской партии в Польше⁶ и т.д.

Хотя на данном этапе ученым и удалось сформулировать некое определение доминантной партии и системы с доминантной партией, в целом феномен однопартийного господства как самостоятельная проблема находился на периферии их научной повестки. За первые 40 лет его концептуализации появилось лишь несколько индивидуальных монографий на эту тему, посвященных отдельным случаям⁷, — и ни одной коллективной, затрагивающей более широкий круг проблем. Крупномасштабные сравнительные исследования систем с доминантной партией не проводились, а в «классических» политологических трудах (вероятно, именно по этой причине) им уделено явно недостаточное внимание. Более того, на фоне идеологического противостояния между СССР и США многие системы с доминантной партией воспринимались научным сообществом либо в качестве однопартийных, либо в качестве многопартийных⁸.

На втором, современном, этапе в центре исследовательского интереса политологов оказался уже не столько сам факт слишком долгого пребывания той или иной партии в положении правящей, сколько принципиальное отсутствие чередования во власти в «нетипичных» многопартийных моделях. Казалось бы, сдвиг не очень существенный, однако на деле он означал выдвигание на первый план вопроса об уровне демократии в системах с доминантной партией — нет ни одного крупного исследования, в котором не отмечалась бы недостаточная демократичность подобных систем. Поэтому исследователи зачастую ведут речь не о *партийных системах*, а о *политических режимах* с доминантной партией, фокусируя внимание на поведении правящей партии и институционализации ее власти при мобилизации электората и осуществлении

² Duverger 1960: 44.

³ Scalapino, Masumi 1962.

⁴ Kothari 1964.

⁵ Masumi 1988.

⁶ Wiatr 1967.

⁷ Scalapino, Masumi 1962; Kothari 1964; Wiatr 1967; Masumi 1988.

⁸ Friedman, Wong 2008: 2—3.

публичной политики. С развитием сравнительной политологии представления об уникальности тех или иных версий однопартийного господства отошли в прошлое, и используемые ныне в политической науке термины (господствующая, доминирующая, преобладающая партия и др.) воспринимаются скорее как синонимы. Несколько выбивается из общего ряда понятие «гегемонистская партия», обращение к которому обычно призвано подчеркнуть высокую степень авторитарности конкретного режима.

В целом, по сравнению с начальным этапом концептуализации, внимание к однопартийному господству существенно выросло. Так, начиная с 1990 г. вышло в свет около 20 специализированных монографий, в том числе восемь коллективных, где системы с доминантной партией, как правило, рассматриваются в сравнительной перспективе; по этой теме защищаются дипломы и диссертации, опубликовано несколько сотен статей, периодически созываются международные научные конференции (последняя состоялась в мае 2014 г. в Мичиганском университете) и т.д. Однако, несмотря на накопленный массив эмпирического материала по различным политическим режимам, исследователи продолжают пользоваться теми определениями доминантной партии и системы с доминантной партией, которые были сформулированы в 1950—1980-х годах и по всем параметрам должны, на наш взгляд, считаться уже устаревшими.

Основные подходы к определению доминантной партии и системы с доминантной партией

В процессе концептуализации однопартийного господства рассматриваются два основных подхода к определению доминантной партии и системы с доминантной партией: социологический и противостоящий ему позитивный. Различия между ними уходят корнями в историю и философию науки, и за каждым из них скрывается набор конкретных гносеологических (метатеоретических, мировоззренческих) установок, непосредственно влияющих на политический анализ.

Социологический (интерпретативный) подход. Применительно к рассматриваемой теме родоначальником *социологического подхода* правомерно считать Макса Вебера, который в своих исследованиях опирался на интерпретативную (антипозитивистскую) парадигму. Набор установок немецкого мыслителя включает: причинно-следственный (каузальный) тип аргументации (раскрытие *реальных*, или фундаментальных, часто ненаблюдаемых механизмов причинной связи); ценностную (идеологическую) нейтральность; понимание различий между науками о природе и науками об обществе (антинатурализм); приоритет качественных методов исследования (в первую очередь исторического и философского анализа) перед количественными; принципиальное внимание к элементам культуры и идеологии (ценностям, вере, мировоззрению и др.); стремление проникнуть в смысл социального действия, определить цели его участников (телеологизм) и выявить

идеальные типы социальных действий. Несмотря на то что Вебера нельзя причислить к радикальным антипозитивистам, те исследовательские направления, в которых используются его наработки, подвергаются самой жесткой критике со стороны позитивистского окружения как логически непоследовательные. Речь идет прежде всего о гносеологически близких теориях, выстраиваемых вокруг веберовского понятия господства (так называемая *социология господства*): теории политического господства самого Вебера, теории экономического господства Франсуа Перру и формирующейся теории однопартийного господства, связанной с именем Дюверже.

⁹ Weber 1978: 53.

Полагая, что аморфное толкование власти (*Macht*) как любой возможности навязать свою волю окружающим вопреки их сопротивлению не подходит для социологического анализа⁹, Вебер сосредоточил внимание на целерациональной разновидности власти, встречающей добровольное повиновение в обществе, которую называл господством (*Herrschaft*). Разрабатывая на широком историческом материале с помощью интерпретативных методов, в том числе таких, как «понимание» (*Verstehen*) и «усиление» (*Steigerung*), *теорию политического господства*, мыслитель пытался выяснить, как реализуются властные отношения между различными группами, почему индивиды считают некие приказы обязательными для исполнения, какими мотивами они руководствуются и т.п. В итоге ему удалось выделить три идеальных типа политического господства, основанных на индивидуальной вере в легитимность власти: господство традиционное (вера в незыблемость обычаев), харизматическое (вера в особые качества лидера) и правовое (вера в установленный законом порядок). В политической науке веберовская интерпретация власти как отношения «господство—подчинение» смогла получить широкое распространение лишь после критического переосмысления Робертом Далем, который оформил ее в духе позитивизма: «„А“ обладает властью над „Б“ в том случае, если может заставить „Б“ сделать то, что „Б“ иначе делать не стал бы»¹⁰. При этом, придерживаясь позитивистской парадигмы, американский политолог, естественно, не использовал чисто социологические элементы теории Вебера, включая само понятие господства.

¹⁰ Dahl 1957: 202—203.

Похожая операционализация властных отношений была еще раньше предложена Перру в рамках *теории экономического господства*. Однако, в отличие от формулы Даля, в интерпретации французского экономиста главное внимание было уделено именно социологическим аспектам: «между любыми двумя экономическими единицами „А“ и „Б“ эффект господства появляется в том случае, если в определенных условиях „А“ оказывает на „Б“ необратимое или частично необратимое влияние»¹¹. Без анализа *господствующих фирм* (смысла их действий в отношении конкурентов; целей, которые они преследуют, и задач, которые они решают на рынке; места таких фирм в структуре общественного разделения труда и т.д.), утверждал он, невозможно получить полное представление о развитии капиталистического общества.

¹¹ Perroux 1950: 188.

В результате приверженцы доминирующей в экономической науке неоклассической школы до сих пор критикуют Перру за то, что ученый поставил в центр своего анализа «внеэкономические факторы» (власть, силу, давление, принуждение и т.п.), и объявляют его идеи нефальсифицируемыми, иррациональными, нелогичными и несерьезными¹². Поток критики со стороны позитивистов, вероятно, сыграл свою роль в том, что Перру так и не получил Нобелевскую премию по экономике, хотя номинировался на нее дважды.

¹² См., напр. *Blaug* 1964: 563; *Beaud* 2003: 64—77.

Рассуждения Перру об «эффekte господства» (*domination*) в экономике повлияли на Дюверже, открывшего схожий феномен в партийной жизни — существование *господствующей* партии. Согласно Дюверже, «это партия, которая отождествляется с какой-то определенной эпохой; ее доктрина, ее идеи, ее методы, в известном смысле сам ее стиль совпадают с соответствующими характеристиками эпохи... партия, которой общественное мнение больше других верит. Эту веру можно сравнить с той, что определяет легитимность власть имущих: они отличны друг от друга и все же родственны между собой. Даже... противники [партии] и граждане, отказывающие ей в своих голосах, признают ее превосходство и влияние»¹³. Как Перру не ставил знак равенства между понятиями господствующей фирмы и монополии, так и Дюверже не смешивал понятия господствующей партии и партии парламентского большинства, подчеркивая, что речь идет скорее о «феномене влияния, нежели [о] проблеме количественного измерения», о «феномене веры»¹⁴. Примеров таких партий в многопартийных системах относительно мало — это радикалы во Франции и Швейцарии, социалисты в Норвегии и Швеции, либералы и католики в Бельгии, Индийский национальный конгресс, а также господствующие партии в ряде африканских стран южнее Сахары, многие из которых обладают «свойством господства» независимо от участия в коалициях и переывов в правлении. Но они встречаются и в двухпартийных системах, где исключительное положение одной партии зачастую бывает связано с замедлением времени чередования у власти (так называемый «дуалистический режим с господствующей партией»): тори и виги в Англии, республиканцы и демократы в США.

¹³ Дюверже 2007: 365—366.

¹⁴ Там же: 366.

В политической науке концепция господствующей партии Дюверже по большей части либо игнорируется, либо отвергается как несостоятельная («метафизичная», чрезмерно «социологичная» и т.п.). Прежде всего это касается американской политологии: например, Томас Пемпель трактует «феномен веры» применительно к партии как «оценки широкой общественности, которым нельзя дать точное определение»¹⁵, а Кеннет Грин скупно характеризует подобный подход как «размытый, хотя и проникающий в суть»¹⁶. Не готовы принять социологическое осмысление однопартийного господства в чистом виде и западноевропейские и южноафриканские специалисты, которые пытаются совместить его с альтернативными концепциями. Так, по мнению Франсуазы Бусек и Матхейса Богардса, Дюверже в действительности писал об идеологическом

¹⁵ *Pempel* 1990a: 2.

¹⁶ *Greene* 2007: 16.

- ¹⁷ O'Leary 1994: 4. господстве, как его понимает Брендан О'Лири¹⁷: «[доминантная партия] должна использовать власть таким образом, чтобы формировать политику, способную в корне изменить природу государства и общества, которыми руководит»¹⁸. В свою очередь, Ренске Доренсплет и Лия Нейзинк видят в рассуждениях французского ученого прообраз логики Хантингтона¹⁹, отмечавшего, что история борьбы за власть, ее продолжительность и интенсивность определяют будущую силу партии (чем дольше история, тем сильнее партия)²⁰. А Никола де Ягер и Пьер дю Туа полагают, что Дюверже описывал символическое значение (в интерпретации Тивена Редди²¹), которое приобретает доминантная партия, если ассоциируется с политическим режимом²².
- ¹⁸ Boucek, Bogaards 2010: 6.
- ¹⁹ Doorenspleet, Nijzink 2013: 11.
- ²⁰ Huntington 1968: 426.
- ²¹ Reddy 2006: 57.
- ²² Jager, Toit 2013: 9.
- ²³ Shalev 1990: 83.
- В то же время, как отмечает Михаэль Шалев, концепция господствующей партии Дюверже «много лет была ведущей парадигмой в израильской политической социологии»²³. Сначала она активно использовалась в исследованиях, посвященных Партии рабочих Земли Израильской (МАПАЙ) и ее коалиции с лейбористами (Маарах), а затем и при изучении партии «Ликуд». В противовес оценкам политологов-позитивистов, один из родоначальников израильской социологии Ашер (Алан) Ариан квалифицировал предложенное французским ученым определение господствующей партии как «поразительно точное»²⁴. Высоко оценивал его и Мирон Аронофф, отмечавший, что «Дюверже установил два важных аспекта господства [партии]: политическое и идеологическое (или культурное)»²⁵. Проанализировав под этим углом зрения МАПАЙ, Аронофф обнаружил, что, помимо политического господства, основанного на использовании созданных партией социально-политических институтов в целях мобилизации, она обладала и культурно-идеологическим господством, так как лидеры МАПАЙ «олицетворяли собой господствовавшие [в еврейской среде] ценности того времени: *chalutzit* (сионистское переселенчество), волонтаризм [через киббуцное движение] и эгалитаризм»²⁶. К сожалению, остальные труды израильских авторов на эту тему (в частности, исследования Ионафана Шапиро и Яакова Реувени) опубликованы только на иврите.
- ²⁴ Arian, Barnes 1974: 594.
- ²⁵ Aronoff 1990: 261.
- ²⁶ *Ibid.*: 263.

Таким образом, в рамках социологического подхода однопартийное господство понимается как *преимущественное влияние конкретной партии в обществе*, вызванное определенными социально-психологическими, культурно-историческими, экономическими и политико-правовыми факторами (причинами). Соответственно, согласно так называемой социологии господства доминантная (господствующая) партия — это партия, являющаяся носителем символического (культурного) капитала, которая получает на выборах мандат на реализацию своей фундаментальной программы развития государства и общества, поскольку ее основные ценности совпадают с ценностями масс.

Позитивный (политологический) подход. Позитивный подход к определению доминантной партии и системы с доминантной партией восходит прежде всего к родоначальнику позитивизма Огюсту

Конту, а также — отчасти — к его предшественникам (например, Джону Локку), современникам (например, Алексису де Токвиллю) и последователям (например, Герберту Спенсеру). В современном виде за ним стоит следующий набор гносеологических установок: предпочтение «логико-аналитического» типа аргументации с упором на выявление функциональной зависимости (корреляции) и демонстрацию частных случаев некоторой наблюдаемой закономерности (регулярности); выраженная идеологическая ориентация (обычно на либерализм, плюрализм и демократию); отрицание методологических различий между науками о природе и науками об обществе (натурализм); приоритет количественных методов исследования перед качественными (в том числе философским и историческим анализом); отсутствие интереса к не наблюдаемым непосредственно (неизмеряемым, непроверяемым, абстрактным и т.п.) явлениям (в частности, к ценностям, вере, мировоззрению); отказ от поиска скрытого смысла, целей, первопричин политического поведения (опора лишь на очищенные от подобных «фантазий» и «предрассудков» эмпирические факты); акцент на условиях и ресурсах развития и т.д. Сущностная критика позитивного подхода, или так называемого *научного метода*, в современной политологической литературе — вещь довольно редкая и скорее маргинальная. Подобная критика может исходить от социологов, историков и философов, которые тоже пишут о политических процессах и в этом широком (i.e. старом европейском) смысле считаются политологами.

В политической науке в отличие от политической социологии (точнее, в позитивной политической социологии в отличие от интерпретативной, которая, с точки зрения представителей первой, вроде бы и не наука) власть рассматривается как самоцель, а не средство достижения других целей. Политологи лишь допускают, что существует некое эгоистическое стремление к власти (выгоде, успеху, славе, накоплению, доминированию, экспансии и т.п.), или желание навязать окружающим свою волю, присущее большинству людей, и выводят его из естественных человеческих инстинктов и потребностей (иначе теряется предмет политической науки). Вокруг этой простой идеи, максимально приближенной к повседневному опыту, и вращаются все «истинно политологические» направления — от геополитики до теории рационального выбора.

Так, основатель геополитики немецкий географ Фридрих Ратцель рассматривал государство как живой организм, который постоянно стремится к расширению своего жизненного пространства (*Lebensraum*). Измерив площадь современных ему стран мира и разделив их на три группы — континентальные (от 5 млн км²), средние (от 0,2 до 5 млн км²) и малые, — он пришел к заключению, что только самые большие из них (доминирующие по территории) можно отнести к мировым державам (*Weltmacht*)²⁷. Другим направлением его исследований было изучение того влияния, которое оказывают на психику и физиологию, характер, образ жизни, поведение, материальную и духовную культуру

²⁷ Ratzel 1897: 326.

человека климатические (температура, влажность воздуха, атмосферное давление, осадки, солнечная радиация) и эдафические (состав почвы, тип рельефа и др.) характеристики занимаемой государством территории. В частности, Ратцель считал, что появление рабовладения на юге США было обусловлено прежде всего наличием там обширных плантаций хлопка и табака²⁸.

²⁸ Ratzel 1902: 542—543.

Схожими установками руководствовался и основоположник электоральной географии (она же *электоральная социология*) Андре Зигфрид, когда анализировал предпочтения избирателей на западе Франции. На всех выборах в парламент страны с 1871 по как минимум 1910 г. в этом регионе лидировали (доминировали по числу полученных голосов) две партии — роялисты и республиканцы, причем первые преобладали в департаментах с преимущественно гранитной почвой, а вторые — с известковой. Исходя из представления о наличии прямой связи (корреляции) между поведением избирателей и эдафическими условиями их проживания, французский географ делал вывод: «гранит голосует за правых, а известняк — за левых»²⁹. В качестве промежуточных переменных Зигфрид выделял форму расселения, характер собственности, социальную стратификацию и отношение к религии. Так, на плоскогорьях западной Франции с их каменистой (гранитной) почвой крестьянские хозяйства, часто окруженные неплодородными землями, обычно находились на большом расстоянии друг от друга и развивались изолированно под началом крупных земельных собственников. По сути, единственным местом, где крестьяне могли встречаться и общаться, была церковь. Как следствие, решающее влияние на них и на их электоральный выбор оказывали крупные собственники (аристократия) и Церковь, поддерживавшие роялистов. В свою очередь, наносные известковые почвы вдоль водных артерий позволяли крестьянским хозяйствам располагаться в непосредственной близости друг от друга. Поэтому ключевую роль в крестьянских взаимоотношениях здесь играла местная община, где высокое положение занимали мелкие и средние собственники с республиканскими взглядами³⁰.

²⁹ Siegfried 2010¹⁹¹³: 20.

³⁰ Ibid.: 631—640.

Последователем Зигфрида был один из зачинателей теории рационального выбора американский политолог Валдимер Ки, широкую известность которому принес трехлетний исследовательский проект, посвященный так называемому «сплоченному Югу» (*Solid South*), или электоральному доминированию Демократической партии в «однопартийных» южных штатах (длившееся примерно с 1876 по 1964 г.). Опираясь на собранные в ходе этого проекта интервью с местными политиками и политическими обозревателями³¹, исследователь обнаружил, что за расовой сегрегацией на политическом уровне стояло в первую очередь белое население «Черного пояса» (*Black Belt*) — округов с богатой плодородной почвой и обширными плантациями. Именно его поддержка позволила демократам ввести избирательный налог и тест на грамотность, чтобы бедные и неграмотные потомки чернокожих рабов не могли отдать свои голоса республиканцам. При этом, по заклю-

³¹ См. Heard 1950: 887.

³² Key 1984^[1949]: 5.

чению Ки, «если белые жители „Черного пояса“ определяли политический характер Юга [в целом], то политика отдельных штатов варьировала в примерном соответствии с пропорцией чернокожего населения»³². Наиболее сильным ограничением возможности политического участия афроамериканцев подвергались, как правило, в сельской местности, где белые составляли меньшинство. В больших городах и гористых районах, где ввиду отсутствия крупных рабовладельческих хозяйств чернокожее население было невелико и, соответственно, не рассматривалось в качестве угрозы политической стабильности, такие ограничения были заметно слабее.

³³ Дюверже 2007: 365.

Эмпирические исследования Зигфрида и Ки давали лишь самое общее представление о том, что такое доминантная партия. Дюверже, в частности, сформулировал его следующим образом: «это прежде всего партия более крупная, чем другие; она идет во главе всех и достаточно явно дистанцируется от своих соперников на протяжении известного времени»³³. Политологи довольно долго руководствовались подобным абстрактным представлением, даже когда выделяли системы с доминантной партией, и только в 1976 г. Джованни Сартори, один из основных научных оппонентов Дюверже, предпринял попытку его комплексной операционализации. Для начала исследователь проанализировал этап голосования, вычислив 21 страну, в которых электоральная дистанция между лидирующей и остальными партиями на последних выборах составила не менее 10% (минимально различимый порог непосредственного наблюдения), и разделил их на две группы. К первой группе были отнесены страны, где доминирующие партии набрали от 37 до 59% голосов, ко второй — те, где они получили от 60 до 86% голосов³⁴.

³⁴ Sartori 2005 [1976]: 171—172.

Полагая вслед за экспертами *Freedom House*, что сверхвысокие результаты голосования за правящую партию (так называемое «гипердоминирование») свидетельствуют о нечестных выборах, Сартори сосредоточился на первой группе (из которой были исключены Южная Корея, тоже подозревавшаяся в серьезной подтасовке выборов, и ЮАР — видимо, из-за апартеида). Затем ученый обратился к этапу распределения мест в парламенте и формирования правительства. Выяснилось, что в семи случаях доминирующая партия формировала однопартийное правительство, поскольку обладала абсолютным большинством мест в парламенте, причем на протяжении как минимум четырех созывов подряд, а в остальных шести либо располагала относительным парламентским большинством, что позволяло ей рассчитывать лишь на главенство в коалиционном (и зачастую недолговечном) правительстве со сменяющимися участниками (например, Италия, Израиль), либо контролировала абсолютное большинство мест в парламенте менее четырех созывов подряд (к примеру, Франция, Чили)³⁵.

³⁵ *Ibid.*: 173—178.

В результате проведенного анализа Сартори зафиксировал по крайней мере четыре типа партийных систем, в которых присутствовала доминирующая на выборах партия, подробно рассмотрев три из них. Для первой системы, названной им системой с преобладающей (*pre-*

dominant) партией, при всем ее плюрализме и состязательности, характерно длительное сохранение однопартийного правительства, то есть речь идет о такой «конфигурации власти, при которой одна партия единолично правит, избегая чередования до тех пор, пока продолжает электорально завоевывать абсолютное [парламентское] большинство»³⁶. Конечно, некая доминирующая в электоральном плане партия возможна и в обычной многопартийной системе, но там она либо вынуждена делиться властью с другими партиями в рамках правительственной коалиции, либо просто не успевает стать ядром системы за счет «стабилизации электората, уверенного преодоления 50-процентной планки и/или значительного опережения других партий в нижней палате парламента»³⁷. В системах второго и третьего типа электоральное преобладание правящей партии поддерживается искусственно. Первоначально редкие и незначительные нарушения избирательного процесса, придающие системе с преобладающей партией оттенок фиктивности (*fake predominant party system*), постепенно сменяются систематическим использованием различных манипуляций не только для повышения электоральных показателей правящей партии, но и для ограничения политической конкуренции в целом, так что со временем может сложиться ситуация, когда уже «нет [никакой] уверенности в том, что преобладающая партия сохранила бы свой статус при соблюдении „формальных“ правил игры»³⁸. Соответствующую систему, при которой все партии, кроме правящей, выступают в качестве «второсортных, лицензируемых», Сартори квалифицировал как систему с гегемонистской (*hegemonic*) партией.

Анализ новых случаев, в том числе длительного существования коалиционного правительства во главе с одной и той же партией, позволил исследователям уточнить концепцию Сартори. Были более четко обозначены различия между демократическими и авторитарными системами (режимами) с доминирующей партией, расширен перечень критериев для определения доминирующей партии. По вопросу о *количественных критериях* принадлежности партии к категории доминирующих, правда, сохранились серьезные расхождения: доля голосов, которую, по мнению разных ученых, должна набирать такая партия, варьирует от 20%³⁹ до 86%⁴⁰, доля мест, занимаемых ею в нижней палате парламента, — от 35%⁴¹ до 100%⁴², минимальный срок непрерывного пребывания в статусе правящей — от двух электоральных циклов⁴³ до 30—50 лет⁴⁴. Вместе с тем были выявлены *качественные параметры*, благодаря которым правящей партии, регулярно побеждающей на выборах, удается запустить «прибавочный цикл доминирования» (*virtuous cycle of dominance*) — «взаимосвязанный набор обоюдно усиливающих друг друга процессов, обладающих [всеми] возможностями, чтобы произвести еще больше доминирования»⁴⁵ (см. *рис. 1*).

Электоральное (численное) превосходство над соперниками дает правящей партии стратегические преимущества, которые она в первую очередь должна использовать для восполнения и расширения своих структурных ресурсов, чтобы цикл повторился вновь (то есть структурные

³⁶ *Ibid.*: 112.

³⁷ *Ibid.*: 175—177.

³⁸ *Ibid.*: 210.

³⁹ Boucek 1998: 110.

⁴⁰ Sartori 2005 [1976]: 172.

⁴¹ Pempel 1990a: 3.

⁴² Anckar 1997: 253.

⁴³ Przeworski et al. 2000: 27; Doorenspleet 2003: 175.

⁴⁴ Pempel 1990a: 1—2; Cox 1997: 238.

⁴⁵ Pempel 1990a: 16.

Рисунок 1 Прибавочный цикл доминирования*

* Схема составлена автором на основе: Pempel 1990a; Giliomee, Simkins 1999; Rimanelli 1999; Magaloni 2006; Greene 2007; Friedman, Wong 2008; Boucek, Bogaards 2010; Jager, Toit 2013; Doorenspleet, Nijzink 2013; Toit, Jager 2013; Nijzink, Doorenspleet 2013.

ресурсы помогают партии добиться электорального превосходства, из которого вытекают ее стратегические преимущества и т.д.). *Стратегические преимущества* доминирующей партии носят тройственный характер. Во-первых, она лидирует в социально-экономической мобилизации и формирует предпочтения избирателей (мобилизационное преимущество); во-вторых, определяет политическую повестку дня и меняет правила игры, в том числе конституционные (регуляционное преимущество); в-третьих, выступает ядром любой коалиции, предотвращая создание выигранных коалиций на стороне оппозиции (коалиционное преимущество). В результате партия получает монопольный доступ к *структурным ресурсам*, благодаря которым она может изолировать соперников, поощрять союзников и стимулировать лояльность избирателей через патрон-клиентские сети. Находящиеся в распоряжении доминирующей партии структурные ресурсы можно разделить на четыре группы:

- 1) экономические ресурсы — возможность распоряжаться бюджетом и средствами государственных и частных фондов; право определять экономическую политику страны; контроль над государственным сектором экономики; поддержка со стороны внешних акторов; казенные средства связи, передвижения, кадровые ресурсы; банальные взятки и воровство;
- 2) исполнительно-административные ресурсы — возможность издавать и пересматривать законы, правила и нормы; контроль над распределением государственных льгот и привилегий (*privatisation of incentives*); привязка к правящей партии при назначениях на государственные посты; контроль над бюрократией через кооптацию ее представителей (*colonisation of bureaucracy*); манипуляции электоральным процессом, в том числе посредством пересмотра границ избирательных округов;
- 3) позиционные ресурсы — конфигурация партийного поля, когда доминирующая партия занимает центр, а ее соперникам достаются

периферийные его части (партийная фрагментация), зачастую исключают коалиционное взаимодействие в силу расхождения во взглядах составляющих их групп (идеологическая дистанция). В этих условиях оппозиционные партии вынуждены или довольствоваться оставленными им нишами, не рассчитывая на массовую поддержку, или набиваться правящей партии в союзники, чтобы сформировать так называемый картель (как вне, так и внутри парламента);

- 4) социетальные ресурсы — тесные связи с определенными сегментами электората; контроль над инструментами политической социализации (образовательными учреждениями, средствами массовой информации и проч.), позволяющий доминирующей партии воспитывать новых сторонников; социальные расколы, размежевания (*cleavages*).

Некоторые авторы выделяют также *электоральные ресурсы* доминирующей партии, связанные со спецификой избирательной системы, однако этот вопрос остается дискуссионным. Так, Бусек и Богардс полагают, что интересам доминирующей партии в наибольшей степени отвечает плюральная избирательная система, которая может обеспечить ей преимущество непропорциональности, работая на уменьшение числа ее соперников⁴⁶. Противоположной точки зрения придерживается Пемпель, подчеркивающий, что при плюральной системе для сохранения статуса доминирующей партии требуется большая доля голосов и мест в парламенте, чем при пропорциональной⁴⁷. На предпочтительность для доминирующей партии пропорциональной системы указывают также Доренсплет и Нейзинк, отмечая, что в этом случае правящая партия «лучше справляется с внешне- и внутрипартийной конкуренцией (к примеру, когда выдвигает оптимальное число кандидатов для каждого избирательного округа, а также мобилизует избирателей, убеждая их следовать партийным инструкциям на выборах)»⁴⁸. В научных дискуссиях по поводу электоральных ресурсов доминирующей партии фигурирует и система единого непереходящего голоса (Япония до 1994 г., Тайвань до 2005 г. и др.). По мнению Аренда Лейпхарта и его соавторов, при такой системе в «[многомандатном] округе, например, с тремя мандатами наименее благоприятной для партии меньшинства ситуацией будет встреча с одной крупной партией большинства, выдвинувшей трех кандидатов, каждый из которых получает одинаковое количество голосов сторонников большинства»⁴⁹. В свою очередь, Грин доказывает, что ни пропорциональная система, ни система единого непереходящего голоса не способствуют поддержанию электорального превосходства правящей партии, так как в случае отказа последней от покупки меньших партий содействуют формированию реальной оппозиции⁵⁰.

Конечно, все без исключения избирательные системы нацелены на поощрение крупных партий и изоляцию мелких, однако в некоторых из них (прежде всего в плюральных и мажоритарных) этот эффект выражен значительно сильнее⁵¹. В политологической литературе его связывают с так называемым сфабрикованным большинством (*manufactured*

⁴⁶ Boucek, Bogaards 2010: 7.

⁴⁷ Pempel 1990b: 337.

⁴⁸ Doorenspleet, Nijzink 2013: 14—15.

⁴⁹ Lijphart et al. 1986: 157.

⁵⁰ Greene 2007: 61—62.

⁵¹ См., напр. Lijphart 1999: 165.

majority) — чем больше партий примет участие в выборах и не преодолеет заградительный барьер, чем больше избирателей проголосует «против всех» и чем больше бюллетеней в ходе выборов будет признано недействительными, тем больше мест в парламенте достанется крупнейшей партии за счет перераспределения оказавшихся «бесхозными» голосов в ее пользу. Кроме того, чем больше у партии мест в парламенте, тем легче ей привлечь на свою сторону представителей других фракций и независимых депутатов. Так, в 1958 г. голлисты во Франции конвертировали 20% голосов на выборах в 42% мест в парламенте; в 1993 г. правоцентристская коалиция в этой стране, набрав 39% голосов, приобрела 80% мест; в том же году либералы в Канаде перевели 41% голосов в 60% мест; в 1983 г. при 42% голосов английские консерваторы получили 61% мест; в 1989 г. 60% голосов обеспечили тайваньскому Гоминьдану 71% мест; в 2003 г. «Единая Россия» «обменяла» 37% голосов на 68% мест; в 2009 г. в Ботсване 54% голосов, завоеванных демократами, оказались преобразованы в 79% мест и т.д.⁵²

Таким образом, с точки зрения позитивного подхода однопартийное господство (именуемое однопартийным доминированием) есть не более чем *численное превосходство правящей партии над соперниками*. Соответственно, в рамках электоральной социологии доминантная (доминирующая — преобладающая и гегемонистская) партия — это любая правящая партия (объединение, фронт⁵³), находящаяся у власти дольше одного срока подряд, которая озабочена главным образом своим электоральным положением и использует государственные ресурсы с целью изоляции конкурентов (как противников, так и союзников).

⁵² См. Boucek 1998: 108, 110; Chu 1999: 71; Голосов 2005: 108; Исаев (ред.) 2008: 134; Toit, Jager 2013: 199.

⁵³ Finn (ed.) 1994: 101.

Библиография

- Голосов** Г.В. 2005. Сфабрикованное большинство: конверсия голосов в места на думских выборах 2003 г. // *Полис*. № 1.
- Дюверже** М. 2007. *Политические партии*. — М.
- Исаев** Б.А. (ред.) 2008. *Теория политики*. — М.
- Anckar** D. 1997. Dominating Smallness: Big Parties in Lilliput Systems // *Party Politics*. Vol. 3. № 2.
- Arian** A., Barnes S.H. 1974. The Dominant Party System: A Neglected Model of Democratic Stability // *Journal of Politics*. Vol. 36. № 3.
- Aronoff** M.J. 1990. Israel under Labor and the Likud: The Role of Dominance Considered // Pempel T.J. (ed.) *Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes*. — L.
- Beaud** M. 2003. Effet de domination, capitalisme et économie mondiale chez François Perroux // *L'Économie politique*. Vol. 4. № 20.
- Blaug** M. 1964. A Case of Emperor's Clothes: Perroux' Theories of Economic Domination // *Kyklos: International Review for Social Sciences*. Vol. 17. № 4.
- Boucek** F. 1998. Electoral and Parliamentary Aspects of Dominant Party Systems // Pennings J., Lane J.-E. (eds.) *Comparing Party System Change*. — L.

- Boucek F.**, Bogaards M. 2010. Introduction: Setting a New Agenda for Research // Bogaards M., Boucek F. (eds.) *Dominant Political Parties and Democracy: Concepts, Measures, Cases and Comparisons*. — L.
- Chu Y.-H.** 1999. A Born-Again Dominant Party? The Transformation of the Kuomintang and Taiwan's Regime Transition // Giliomee H., Simkins C.E.W. (eds.) *The Awkward Embrace: One-Party Domination and Democracy*. — Amsterdam.
- Cox G.** 1997. *Making Votes Count: Strategic Coordination in the World's Electoral Systems*. — Cambridge.
- Dahl R.A.** 1957. The Concept of Power // *Behavioral Science*. Vol. 2. № 3.
- Doorenspleet R.** 2003. Political Parties, Party Systems and Democracy in Sub-Saharan Africa // Salih M. (ed.) *African Political Parties: Evolution, Institutionalisation and Governance*. — L.
- Doorenspleet R.**, Nijzink L. 2013. One-Party Dominance in African Democracies: A Framework for Analysis // Doorenspleet R., Nijzink L. (eds.) *One-Party Dominance in African Democracies*. — Boulder.
- Duverger M.** 1960. Sociologie des Partis Politiques // Gurvitch G. (dir.) *Traité de Sociologie*. T. II. — P.
- Finn J.** (ed.) 1994. *Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights and Civil Liberties 1993—1994*. — N.Y.
- Friedman E.**, Wong J. 2008. Learning to Lose: Dominant Parties, Dominant Party Systems, and Their Transitions // Friedman E., Wong J. (eds.) *Political Transitions in Dominant Party Systems: Learning to Lose*. — N.Y.
- Giliomee H.B.**, Simkins C.E.W. (eds.) 1999. *The Awkward Embrace: One-Party Domination and Democracy*. — Amsterdam.
- Greene K.F.** 2007. *Why Dominant Parties Lose: Mexico's Democratization in Comparative Perspective*. — N.Y.
- Heard A.** 1950. Interviewing Southern Politicians // *American Political Science Review*. Vol. 44. № 4.
- Huntington S.P.** 1968. *Political Order in Changing Societies*. — New Haven.
- Jager N. de**, Toit P. du. 2013. Introduction // Jager N. de, Toit P. du. (eds.) *Friend or Foe? Dominant Party Systems in Southern Africa: Insights from the Developing World*. — Cape Town.
- Key V.O.** 1984 [1949]. *Southern Politics in State and Nation*. — Knoxville.
- Kothari R.** 1964. The Congress 'System' in India // *Asian Survey*. Vol. 4. № 12.
- Lijphart A.** 1999. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Democracies*. — New Haven.
- Lijphart A.** et al. 1986. The Limited Vote and the Single Nontransferable Vote: Lessons from the Japanese and Spanish Examples // Grofman B., Lijphart A. (eds.) *Electoral Laws and Their Political Consequences*. — N.Y.
- Magaloni B.** 2006. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico*. — Cambridge.

- Masumi J.** 1988. The 1955 System in Japan and Its Subsequent Development // *Asian Survey*. Vol. 28. № 3.
- Nijzink L., Doorenspleet R.** 2013. Why One-Party Dominance Endures in Some Democracies but Not Others // Doorenspleet R., Nijzink L. (eds.) *One-Party Dominance in African Democracies*. — Boulder.
- O’Leary B.** 1994. Britain’s Japanese Question: “Is There a Dominant Party?” // Margetts H., Smyth G. (eds.) *Turning Japanese? Britain with a Permanent Party of Government*. — L.
- Pempel T.J.** 1990a. Introduction: Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes // Pempel T.J. (ed.) *Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes*. — L.
- Pempel T.J.** 1990b. Conclusion: One-Party Dominance and the Creation of Regimes // Pempel T.J. (ed.) *Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes*. — L.
- Perroux F.** 1950. The Domination Effect and Modern Economic Theory // *Social Research*. Vol. 17. № 2.
- Przeworski A.** et al. 2000. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990*. — Cambridge.
- Ratzel F.** 1897. *Politische Geographie*. — München.
- Ratzel F.** 1902. *Die Erde und das Leben: Eine vergleichende Erdkunde*. — Leipzig.
- Reddy T.** 2006. INC and ANC: A Comparative Analysis // *Challenges to Democracy by One-Party Dominance: A Comparative Assessment*. — Johannesburg.
- Rimanelli M.** 1999. Introduction: Peaceful Democratization Trends in Single-Party-Dominant Countries // Rimanelli M. (ed.) *Comparative Democratization and Peaceful Change in Single-Party-Dominant Countries*. — N.Y.
- Sartori G.** 2005 [1976]. *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis*. — Colchester.
- Scalapino R.A., Masumi J.** 1962. *Parties and Politics in Contemporary Japan*. — Berkeley.
- Shalev M.** 1990. The Political Economy of Labor-Party Dominance and Decline in Israel // Pempel T.J. (ed.) *Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes*. — L.
- Siegfried A.** 2010 [1913]. *Tableau Politique de la France de l’Ouest sous la Troisième République*. — Bruxelles.
- Toit P. du, Jager N. de.** 2013. Conclusion: Resources and the Politics of Dominant Party Systems // Jager N. de, Toit P. du. (eds.) *Friend or Foe? Dominant Party Systems in Southern Africa: Insights from the Developing World*. — Cape Town.
- Weber M.** 1978. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. — L.
- Wiatr J.J.** 1967. The Hegemonic Party System in Poland // Wiatr J.J. (ed.) *Studies in Polish Political System*. — Wrocław.

References

- Anckar** D. 1997. Dominating Smallness: Big Parties in Lilliput Systems // *Party Politics*. Vol. 3. № 2.
- Arian** A., Barnes S.H. 1974. The Dominant Party System: A Neglected Model of Democratic Stability // *Journal of Politics*. Vol. 36. № 3.
- Aronoff** M.J. 1990. Israel under Labor and the Likud: The Role of Dominance Considered // Pempel T.J. (ed.) *Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes*. — L.
- Beaud** M. 2003. Effet de domination, capitalisme et économie mondiale chez François Perroux // *L'Économie politique*. Vol. 4. № 20.
- Blaug** M. 1964. A Case of Emperor's Clothes: Perroux' Theories of Economic Domination // *Kyklos: International Review for Social Sciences*. Vol. 17. № 4.
- Boucek** F. 1998. Electoral and Parliamentary Aspects of Dominant Party Systems // Pennings J., Lane J.-E. (eds.) *Comparing Party System Change*. — L.
- Boucek** F., Bogaards M. 2010. Introduction: Setting a New Agenda for Research // Bogaards M., Boucek F. (eds.) *Dominant Political Parties and Democracy: Concepts, Measures, Cases and Comparisons*. — L.
- Chu** Y.-H. 1999. A Born-Again Dominant Party? The Transformation of the Kuomintang and Taiwan's Regime Transition // Giliomee H., Simkins C.E.W. (eds.) *The Awkward Embrace: One-Party Domination and Democracy*. — Amsterdam.
- Cox** G. 1997. *Making Votes Count: Strategic Coordination in the World's Electoral Systems*. — Cambridge.
- Dahl** R.A. 1957. The Concept of Power // *Behavioral Science*. Vol. 2. № 3.
- Doorenspleet** R. 2003. Political Parties, Party Systems and Democracy in Sub-Saharan Africa // Salih M. (ed.) *African Political Parties: Evolution, Institutionalisation and Governance*. — L.
- Doorenspleet** R., Nijzink L. 2013. One-Party Dominance in African Democracies: A Framework for Analysis // Doorenspleet R., Nijzink L. (eds.) *One-Party Dominance in African Democracies*. — Boulder.
- Duverger** M. 1960. Sociologie des Partis Politiques // Gurvitch G. (dir.) *Traité de Sociologie*. T. II. — P.
- Duverger** M. 2007. *Politicheskie partii*. — M.
- Finn** J. (ed.) 1994. *Freedom in the World: The Annual Survey of Political Rights and Civil Liberties 1993—1994*. — N.Y.
- Friedman** E., Wong J. 2008. Learning to Lose: Dominant Parties, Dominant Party Systems, and Their Transitions // Friedman E., Wong J. (eds.) *Political Transitions in Dominant Party Systems: Learning to Lose*. — N.Y.
- Giliomee** H.B., Simkins C.E.W. (eds.) 1999. *The Awkward Embrace: One-Party Domination and Democracy*. — Amsterdam.
- Golosov** G.V. 2005. Sfabrikovannoe bol'shinstvo: konversija golosov v mesta na dumskih vyborah 2003 g. // *Polis*. № 1.
- Greene** K.F. 2007. *Why Dominant Parties Lose: Mexico's Democratization in Comparative Perspective*. — N.Y.

- Heard A.** 1950. Interviewing Southern Politicians // *American Political Science Review*. Vol. 44. № 4.
- Huntington S.P.** 1968. *Political Order in Changing Societies*. — New Haven.
- Isaev B.A.** (ed.) 2008. *Teorija politiki*. — M.
- Jager N. de, Toit P. du.** 2013. Introduction // Jager N. de, Toit P. du. (eds.) *Friend or Foe? Dominant Party Systems in Southern Africa: Insights from the Developing World*. — Cape Town.
- Key V.O.** 1984 [1949]. *Southern Politics in State and Nation*. — Knoxville.
- Kothari R.** 1964. The Congress 'System' in India // *Asian Survey*. Vol. 4. № 12.
- Lijphart A.** 1999. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Democracies*. — New Haven.
- Lijphart A.** et al. 1986. The Limited Vote and the Single Nontransferable Vote: Lessons from the Japanese and Spanish Examples // Grofman B., Lijphart A. (eds.) *Electoral Laws and Their Political Consequences*. — N.Y.
- Magaloni B.** 2006. *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico*. — Cambridge.
- Masumi J.** 1988. The 1955 System in Japan and Its Subsequent Development // *Asian Survey*. Vol. 28. № 3.
- Nijzink L., Doorenspleet R.** 2013. Why One-Party Dominance Endures in Some Democracies but Not Others // Doorenspleet R., Nijzink L. (eds.) *One-Party Dominance in African Democracies*. — Boulder.
- O'Leary B.** 1994. Britain's Japanese Question: "Is There a Dominant Party?" // Margetts H., Smyth G. (eds.) *Turning Japanese? Britain with a Permanent Party of Government*. — L.
- Pempel T.J.** 1990a. Introduction: Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes // Pempel T.J. (ed.) *Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes*. — L.
- Pempel T.J.** 1990b. Conclusion: One-Party Dominance and the Creation of Regimes // Pempel T.J. (ed.) *Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes*. — L.
- Perroux F.** 1950. The Domination Effect and Modern Economic Theory // *Social Research*. Vol. 17. № 2.
- Przeworski A.** et al. 2000. *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950—1990*. — Cambridge.
- Ratzel F.** 1897. *Politische Geographie*. — München.
- Ratzel F.** 1902. *Die Erde und das Leben: Eine vergleichende Erdkunde*. — Leipzig.
- Reddy T.** 2006. INC and ANC: A Comparative Analysis // *Challenges to Democracy by One-Party Dominance: A Comparative Assessment*. — Johannesburg.
- Rimanelli M.** 1999. Introduction: Peaceful Democratization Trends in Single-Party-Dominant Countries // Rimanelli M. (ed.) *Comparative De-*

mocratization and Peaceful Change in Single-Party-Dominant Countries. — N.Y.

Sartori G. 2005 [1976]. *Parties and Party Systems: A Framework for Analysis.* — Colchester.

Scalapino R.A., Masumi J. 1962. *Parties and Politics in Contemporary Japan.* — Berkeley.

Shalev M. 1990. The Political Economy of Labor-Party Dominance and Decline in Israel // Pempel T.J. (ed.) *Uncommon Democracies: The One-Party Dominant Regimes.* — L.

Siegfried A. 2010 [1913]. *Tableau Politique de la France de l'Ouest sous la Troisième République.* — Bruxelles.

Toit P. du, Jager N. de. 2013. Conclusion: Resources and the Politics of Dominant Party Systems // Jager N. de, Toit P. du. (eds.) *Friend or Foe? Dominant Party Systems in Southern Africa: Insights from the Developing World.* — Cape Town.

Weber M. 1978. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology.* — L.

Wiatr J.J. 1967. The Hegemonic Party System in Poland // Wiatr J.J. (ed.) *Studies in Polish Political System.* — Wrocław.

Οκончание следует